

УДК 821.161.1(092) (477.75)

В. В. Трифонова

КРЫМ В ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ Л. Н. ТОЛСТОГО (1854 – 1855)

7 (19) ноября 1854 г. подпоручик Лев Николаевич Толстой прибывает в осажденный и обороняющийся Севастополь. В это время туда переносятся основные действия Восточной (Крымской) войны. Именно здесь находится главная база Черноморского флота России. На основании крымских впечатлений, полученных во время Крымской кампании, Толстой впоследствии напишет цикл рассказов на крымскую тематику.

Поэтика “Севастопольских рассказов” занимала многих исследователей, но практически никто не смотрел на рассказы как на крымский материал, поэтому обращение к ним в подобном ракурсе является несомненно **новым**.

Взгляд на творчество писателя 1854–1855 годов приобретает особую **актуальность** сейчас, в период 150-летнего юбилея Восточной (Крымской) войны.

Объекты анализа настоящей статьи — небольшой дневниковый стихотворный набросок “Когда же, когда наконец перестану...” (1854) и первый толстовский рассказ севастопольского цикла — “Севастополь в декабре месяце” (1855).

Целью статьи является попытка выяснить, какое место занимает очерк “Севастополь в декабре месяце” в творческой биографии писателя. В соответствии с этим ставятся **следующие задачи**: 1) определить степень новаторства Толстого в описаниях картин войны в рассказе и 2) место крымских впечатлений в развитии молодого писателя.

Толстого переводят в Крым из Кишинева по его личной просьбе, позже (3 июля 1855 г.) он напишет брату Сергею Николаевичу: “Я просился в Крым, отчасти для того, чтобы видеть эту войну, отчасти для того, чтобы вырваться из штаба Сержпутовского, который мне не нравился, а больше всего из патриотизма, который в то время, признаюсь, сильно нашел на меня”. Через несколько дней после приезда в Севастополь Толстой вместе с частью уезжает в тыл, в деревню Эски-Орду (современное Лозовое), находящуюся в нескольких километрах от Симферополя. Он пишет про свое пребывание в татарской деревне в дневнике: “26 ноября. Живу совершенно беспечно, не принуждая и не останавливая себя ни в чем: хожу на охоту, слушаю, наблюдаю, спорю” [6, с. 135]. Кажется, что Толстой бездействен, но на самом деле здесь работает не воин, а писатель. Он “слушает” и “наблюдает” и в Эски-Орде, и в Севастополе. Он внутренне уже перерабатывает первые свои впечатления о Крымской кампании, то есть и о Крыме, где разворачиваются кровавые военные действия.

К этому же времени относится и написание стихотворения “Когда же, когда перестану...” (Толстой записал его в своем дневнике 20 ноября (2 декабря) 1854 г.). Мысль о бесполезности собственного существования и о “грядущей

ничтожности” [5, с. 240] у Толстого не нова, очень часто подобные суждения встречаются в его дневниках. Еще в августе 1852 г. он пишет: “Мне 24 года; а я еще ничего не сделал. Я чувствую, что недаром вот уже восемь лет, что я борюсь с сомнениями и страстями. Но на что я назначен? Это откроет будущность” [6, с. 79]. Более всего в это время его занимают мысли о своей незначительности в пору службы на Кавказе: “Из-за девок, которых не имею, и креста, которого не получу, живу здесь и убиваю лучшие годы моей жизни. Глупо! Господи, дай мне счастья” (Дневники, 8–15 мая 1853 г.) [6, с. 87]. Хотя именно на Кавказе происходит рождение Толстого как писателя. Уже написаны “Детство”, “Набег”, “Отрочество” и постепенно осуществляются другие замыслы. Но в это время Толстой еще не уверен в себе, его мучит недооценка собственных сил, он много раз переделывает, переписывает свои произведения. Все эти настроения (художнические, служебные, личные) и отразились в стихотворении, написанном под Симферополем:

*Кто сделал ту рану — лишь ведает Бог,
Но мучат меня от рожденья
Грядущей ничтожности горький залог,
Томящая грусть и сомненья*

[5, с. 240].

Это сомнения молодого писателя, уже начавшего литературную деятельность, но еще не получившего должного, нужного и достойного, как ему казалось, признания. Он уже выбрал себе определенный путь, но еще не движется по нему, а лишь делает первые шаги. Уверенное движение по будущей стезе великого писателя Л. Н. Толстой начинает в Крыму, начинает принесшими ему не просто известность, а всероссийскую в тот момент популярность, “Севастопольскими рассказами”.

Толстой всячески проявляет инициативу, проходя службу. Он создает проект реорганизации артиллерии (“Проект о переформировании батарей и 6-орудийный состав и усилении оных артиллерийскими стрелками”) [3, с. 161-176], затем у него появляется задумка журнала “Военный листок”, который не был разрешен Николаем I. Возможно, первый очерк “Севастополь в декабре” и предназначался для этого журнала. Тогда Толстой просит Некрасова дать ему место в каждом номере “Современник” для военных материалов. Некрасов отвечает ему положительно и Толстой отмечает в дневнике: “...он [Некрасов] просит присылать ему статьи военные. Приходится писать мне одному. Напишу Севастополь в различных фазах и идиллию офицерского быта” (дневниковая запись от 20 марта 1855 г.) [6, с. 141]. Эта запись становится первым упоминанием о замысле “Севастопольских рассказов”.

В начале апреля Толстой получает назначение на самый сложный и опасный участок обороны Севастополя — четвертый бастион. На это время и приходится создание первого очерка цикла “Севастопольских рассказов” — “Севастополь в декабре месяце”.

Рассказ большей частью описателен и бессюжетен. Толстой пишет его с намерением окунуть московскую и петербургскую публику в волнующую всю Россию военную действительность. Причем особой выразительности в произведении он добивается, вводя в его контекст открытое авторское присутствие: ведет с читателем постоянный диалог, водит его по Севастополю, показывая и рассказывая, чем достигает выпуклости зрительных образов. Описание обыденной, повседневной, неприглядной жизни осажденного города лишает рассказ романтического пафоса, традиционной героической патетики, зрелищных батальных сцен. “Многими своими признаками: эпически повествовательной манерой, внутренней сдержанностью, неторопливостью... “Севастополь в декабре месяце” предвосхищает “Войну и мир” [7, с. 45].

Толстой рвался на войну, в центр военных действий, он подавал несколько прошений, прежде чем его перевели в Крым, он осознает величие момента, осознает, что на Севастополь сейчас обращены взгляды всей Европы: “Не может быть, чтобы при мысли, что и вы в Севастополе, не проникнуло в душу вашу чувства какого-то мужества, гордости и чтоб кровь не стала быстрее обращаться в жилах” [5, с. 82]. Писатель последовательно проводит читателя по основным точкам Севастопольской обороны. Сначала он окажется в тылу, на спокойной, но деятельной Северной стороне. На ялике попадет на Графскую пристань, пройдет по набережной, где “шевелиются толпы серых солдат, черных матросов и пестрых женщин” [5, с. 82], увидит улицы, загороженные баррикадами. Здесь в особенности, нежели во всем остальном пространстве рассказа, большое внимание уделено деталям: бомбы, ядра, картечи, “телеги с сеном, кулями и с бочками”, дети, женщины, матросы, солдаты и т. п. [5, с. 82] Так он добивается отчетливой реалистичности в изображении самых различных сторон войны.

Затем читатель попадет в Собрание, в котором расположился госпиталь, поговорит с тяжело раненым солдатом, найдя среди множества страждущих людей лицо “менее строгое и страдающее”. Удивится силе духа этого только что ставшего безногим солдатика, его объяснениям, что надо меньше думать и тогда все будет хорошо. Но самые страшные картины только впереди, в перевязочной и операционной. С натуралистической детализацией опишет Толстой происходящее в этой комнате: “...увидите войну не в правильном, красивом и блестящем строе, с музыкой и барабанным боем, с развевающимися знаменами и гарцующими генералами, а увидите войну в настоящем: ее выражении — в крови, в страданиях, смерти...” [5, с. 87].

Далее автор пригласит читателя в трактир (“ежели вы хотите послушать толки моряков и офицеров” [5, с. 87]). Ну а если он захочет испытать войну на себе, то пойдет на страшный 4-й бастион, где все время слышен гул канонады, где рядом разрываются бомбы, а люди находятся в постоянной опасности. И все это происходит на фоне спокойного, ласкового крымского пейзажа. Главное достижение Толстого в том, что он “отказывается от традиционного парадного изображения войны, от показа героического как чего-то особенного...” [2, с. 70]. Солдаты и матросы — это простые люди, они ходят по грязи, курят, в их

облике мало того героического, знакомого по романтической литературной традиции, к чему так привыкла читающая публика. Но это и есть истинные герои.

На бастионе перед читателем, постигающим действительность взглядом Толстого, открывается истинная сущность героизма солдат и офицеров. “Главное отрадное убеждение, которое вы вынесли, -- это убеждение в невозможности поколебать где бы то ни было силу русского народа <...> видели ее в глазах, речах, приемах, в том, что называется *духом* защитников Севастополя” [5, с. 92]. Толстой изображает войну не в парадном облачении, привычно возбуждающем патриотические чувства, а в “крови, в страданиях, смерти”. Толстой показывает войну так, как до него этого никто не делал. Художник передает образ защитников родины, передает их настроение, психологию. Он показывает силу русского духа не в героическом величии, а в страдании, подчеркивая православную основу русского взгляда на мир.

В произведениях этого цикла Толстой выступает как художник-баталист, но уже в этих, ранних рассказах виден будущий тонкий исследователь человеческой души, Толстой-психолог.

Глубина и сила картин Севастопольской обороны обуславливается еще и тем, что описывает их непосредственный очевидец этих событий: и воин, и большой писатель. Художественность в данном случае неразрывно связана с жизненностью, с достоверностью происходящего, сказывающейся в описаниях незнакомой для среднерусского жителя крымской погоды и природы: “В полчаса, которые вы провели в трактире, погода успела перемениться: туман, растопившийся по морю, собрался в серые, скучные, сырые тучи и закрыл солнце; какая-то печальная изморось сыплется сверху и мочит крыши, тротуары и солдатские шинели...” [5, с. 88]

Рассказ был опубликован 1 июня 1855 г. в шестом номере “Современника” с подписью *Л. Н. Т.* В начале стояла небольшая сноска: “Автор обещает ежемесячно присылать нам картины севастопольской жизни, вроде предлагаемой. Редакция “Современника” считает себя счастливою, что может доставлять своим читателям статьи, исполненные такого высокого современного интереса, и притом написанные тем писателем, который возбудил к себе такое живейшее сочувствие и любопытство во всей читающей публике своими рассказами: “Детство”, “Отрочество”, “Набег” и “Записки Маркера”. *Ред.*” Затем в 1856 г. с цензурными искажениями очерк был издан в сборнике “Военные рассказы графа Л. Н. Толстого”. Первый очерк цикла “Севастопольские рассказы” перепечатывался намного чаще, чем другие военные рассказы. Причем и в дальнейшем он был публикуем с завидной периодичностью: в 1886 г. — книжка “Осада Севастополя” (шесть изданий в разные годы), 1899 г. — отдельное издание “Севастополь в декабре 1854 г.” и т. д. [1, с. 390-391].

Рассказ моментально облетел всю Россию и получил огромнейшую популярность, его читали во всех домах, писались отзывы в журналах, на Толстого посыпались восторженные письма от знакомых и незнакомых людей. Возникла дискуссия о возможности печатанья военных статей в литературных журна-

лах, и оказалось, что рассказ графа Толстого помог преодолеть цензуру в публикации сочинений о крымской кампании.

Очерк был прочтен Александром II, одобрен и по его приказу переведен на французский язык. Впоследствии “Севастополь в декабре месяце” был переведен на многие языки и получил одобрительные отклики иностранных литераторов.

В связи с тем, что очерк написан на крымском материале, он изобилует крымскими реалиями: Сапун-гора, Северная сторона, “тяжелая маджара” (крымская большая повозка), Графская пристань, Южная бухта, здания, бульвар, упоминаются корабли, принимавшие участие в Севастопольской кампании (“Великий князь Константин”) и т. д. Читатель проходит по городу и узнает улицы Севастополя. По рассказу можно с относительной точностью установить, где располагались те или иные батареи, госпиталь, русские войска.

Таким образом, рассказ, написанный на Крымской земле, в основу которого легли события Крымской войны, явился открытием для русской литературы. Несомненно, что ведущую роль в этом сыграло новое реалистическое описание войны во всем ее ужасе и безобразии, хотя в то же время писателю удалось показать высокий дух русского человека, солдата-патриота. В то же время это был первое в русской литературе произведение, где исчезает прежний романтический (пушкинский) и появляется новый реалистический (толстовский) Крым.

К моменту прибытия в Севастополь Толстой уже сделал первые значительные шаги в литературе. Но настоящая слава и признание его как писателя пришли только после опубликования в журнале “Современник” очерка “Севастополь в декабре месяце”. С этого первого рассказа севастопольского цикла понастоящему и началась творческая и духовная биография великого русского писателя Льва Толстого.

Литература

1. Бурнашева Н. И. Комментарии // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: В 100 т. — М., 2002. — Т. 2. Произведения. 1825–1856. — С. 277-595
2. Вениокова С. В. Герои Севастополя: Страницы творческой биографии Л. Н. Толстого. Пособие для учащихся. — М., 1979.
3. Дорошенко С. С. Лев Толстой — воин и патриот. Военная служба и военная деятельность. — М., 1966.
4. Островский А. Г. Воспоминания. Письма. Дневники... — М., 1999.
5. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: В 100 т. — М., 2002. — Т. 2. Произведения. 1825–1856.
6. Толстой Л. Н. Собрание сочинений: В 22 т. — М., 1985. — Т. 21. Дневники.
7. Янковский Ю. З. Человек и война в творчестве Л. Н. Толстого. — Киев, 1978.

Статья поступила в редакцию 12 октября 2004 г.